

Веб-журнал "Европейская Афиша" №6 15/06/2013– www.afficha.info

Шекспир в духе веселых двадцатых.

Екатерина Богопольская

В первые дни шестого международного фестиваля в Неаполе в театре San Ferdinando состоялась мировая премьера «Укрощения строптивой» У.Шекспира в постановке Андрея Кончаловского. Первая рецензия вышла под символическим заголовком «Счастливая встреча Кончаловского, Шекспира и Италии».

До этого к Шекспиру Кончаловский обращался только один раз, это был «Король Лир» в Варшаве, в 2006 году. В Италии же работал много, но в оперном театре, где ставил русские оперы.

Андрей Кончаловский больше известен как кинорежиссер, но он сам считает себя одинаково режиссером и театра, и кино. В Москве с актерами театра им.Моссовета поставил несколько нашумевших чеховских спектаклей: «Чайку», «Дядю Ваню», «Три сестры». В театре на Малой Бронной – «Фрекен Жюли» Стриндберга. В конце 80-х поставил «Чайку» в Париже в Одеоне-театре Европы, в роли Нины, по сути, открыв для театра юную Жюльетт Бинош (Аркадину сыграла французская кинозвезда Маша Мериль).

Photo Salvatore Pastore

В интервью итальянской газете Inchiostro перед премьерой «Укрощения строптивой» Кончаловский сказал: «Шекспир и есть сама жизнь, фантастическое сочетание земли и неба, священного и профанного. ...плюс легкий налет безумия и абсурда, который делает его героев еще более привлекательными». Режиссер

рассказывает, что получив предложение на постановку от директора фестиваля, Люка де Фюско, хотел сделать именно итальянскую пьесу Шекспира: «Я выбрал «Укрощение строптивой», поскольку эта комедия представляет страну даже больше, чем «Ромео и Джульетта».

Шесть лет тому назад, представляя в Париже фильм «Глянец», Кончаловский заметил « Я более 45 лет снимаю кино, и все мои фильмы смотрят на Россию». Отталкиваясь от этой логики можно сказать, что его постановка «Укрощения строптивой» смотрит на Италию. И это так оправдано: действие комедии Шекспира происходит в Падуе, работал Кончаловский с итальянскими актерами в Неаполе, в знаменитом театре Сан Фердинандо, где витает еще дух маэстро Эдуардо де Филиппо. И к тому же, Андрей Кончаловский, главный европеец русского кино, говорит не только на французском и английском, но еще и хорошо понимает итальянский, поэтому в работе с актерами проблем не было. Исполнительница роли Катарины, Маша Музи говорит о русском режиссере восторженно: «красивый человек, настоящий аристократ старых времен». Музи – блестящая театральная актриса, много работала в итальянских спектаклях Э.Някрошюса, в том числе сыграла Сарру в его «Иванове».

«Укрощение строптивой» в постановке Кончаловского - легкий, веселый, безумно занимательный дивертисмент, немного в духе великих итальянцев и голливудских комедий 20-х годов, что неудивительно – действие пьесы режиссер перенес в Италию 20 х годов XX века. Но главное - Кончаловский играет с итальянской традицией от комедии дель арте до Эдуардо де Филиппо, заглянув и в мир великого Федерико Феллини. И все с восхитительной иронией. Русский режиссер сумел мастерски войти в старую итальянскую традицию, и зрители театра Сан Фердинандо приняли спектакль с восторгом.

Photo Salvatore Pastore

Сценография, созданная самим режиссером, представляет видеопроекцию итальянской городской площади, напоминающую картины Джорджо де Кирико, только увиденные сквозь призму живописного разноцветного лубка. Внутри городского пейзажа Кирико Кончаловский запустил игрушечный поезд – все лишь игра, все наполовину всерьез. В других сценах появляются прямоугольные панно, за которыми словно пляшут, складываясь в коллажи, старые рекламные плакаты. И все под легкую музыку, как итальянскую, так и американскую, веселых двадцатых. Трагический гротеск Кирико переосмыслен через гольдониевский, или как хочется самому режиссеру, феллиниевский карнавал. Кончаловский опустил шекспировский пролог с медником Слаем, но

ощущение представления, театра в театре оставил. С двух сторон сцены он расположил актерские ложи, и пока на авансцене играют действие об укрощении строптивой, здесь идет своя жизнь: актеры гримируются перед выходом, органично общаются между собой, и кажется даже комментируют происходящее на сцене. История Катарины и Петручио разыгрывалась как спектакль в спектакле, в духе дель арте: клоунские лацци, акробатические трюки, откровенная арлекинада синьора Баптиста, отца Бьянки и Катарины. Петручио появлялся в сцене свадьбы, натянув на себя нелепый старинный камзол и шляпу с плюмажем. Переодетые Учителями женихи Бьянки, Люченцио и Гортензио, выходят в одинаковых костюмах маски Доктора из комедии дель арте, Петручио и его слуга Грумио – в шлемах и очках-консервах автомобилистов начала XX века, а потом в сцене «У дороги» на подмостки въезжает настоящий автомобиль. Люченцио появлялся в белом летнем костюме и с теннисной ракеткой, Гортензио в военной форме эпохи Дуче. (Правда, тема эта дается в пропуск, никак не вписывается в формат спектакля). Эпизоды в загородном доме Петручио построены как настоящие гэги: оголодавшая вконец Катарина, которой в целях дрессировки не дают есть в доме мужа, пытается заполучить вожака баранью котлету, откровенно соблазняя Грумио или гонясь за нежданно-негаданно появившимся петухом с таким успехом, что перья с бедного летят в прямом смысле слова. Катарина здесь вовсе не озлобленная мегера, с самого начала отдается веселым дурачествам и розыгрышам. Официально соавтором Шекспира выбрали Феллини: «Моя Катарина немного феллиниевская», – говорит Маша Музи о шекспировской героине. Хотя ее Катарина внешне больше напоминает голливудских звезд, образ стилизован под Луизу Брукс, знаменитую актрису 20-х годов, да и по сути тоже она далека от нежных печальных клоунесс Федерико. Это скорее натура сильная, обворожительная, гениалогически связанная с другой итальянской традицией, с Филуменой Мартурано из одноименной комедии Э. де Филиппо или с какой-нибудь Мирандолиной К.Гольдони.

Главная режиссерская придумка в финале. Знаменитый диалог, в котором Катарина славит послушных жен, Кончаловский представляет как текст, написанный Петручио, который она зачитывает по бумажке. Сначала с одушевлением, но дойдя до середины, до слов: Муж - господин тебе, опора, жизнь, Твоя глава, владыка...» с гневом отбрасывает, и лишь по упорному настоянию Петручио опять вынуждена продолжить чтение, уже с нескрываемой иронией. А заканчивает она, произнося текст «Склоните головы к ногам мужей. Готова проявить я послушанье. Лишь только муж мой выразит желанье» победоносно восседая на спине супруга, поставленного на четвереньки. Катарина у Кончаловского не переродилась из-за любви, в которой и мужчины и женщины одинаково и слуги и господа, она осталась самой собой, с блеском играя в предложенных ей Петручио «обстоятельствах».

Петручио Федерико Ванни - плотный, приземистый, совсем не романтической внешности, ведет себя как обычный грубоватый итальянский мачо. Лучше всего у него выходит ласковое «Каттина», которым заменено английское Кэт оригинала. О том, что этот Петручио празднично преображает жизнь, сказать нельзя. Скорее он ей пользуется. Комический жулик больше, чем герой высокой ренессансной комедии. Комические гэги выполняет с таким искусством, что после каждого выхода срывает аплодисменты зрительного зала. Закончил представление Кончаловский отсутствующим в тексте комедии фарсовым эпилогом под разноцветные конфетти и фокстрот, который танцуют все. Это уже что-то из музыкальной комедии. Фарс, ирония явно берут верх над лирикой.

Все вместе немного напоминает шутовской балаган, сыгранный с ярким темпераментом итальянцев и с оглядкой на Голливуд.

Photo Salvatore Pastore

Спектакль вписался в этот город и в эту традицию, сложно представить его на другой сцене, например в Москве.

(В декабре «Укрощение строптивой» покажут в Генуе, а в 2014 году - в Риме и опять в Неаполе).